

Наука населять

Сергей Кара-Мурза

Особенно отрадно, что в уходящем году у нас родилось больше новых граждан России, чем в прошлом. Это — хороший знак.

Из новогоднего обращения В. Путина

В 1993 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Население Советского Союза. 1922–1991». Написана она была в конце 1991 г. Это максимально полное изложение динамики демографических процессов в нашей стране. Для нас здесь важна глава 11 — «Взгляд в будущее», в которой даны три варианта прогноза на 2000 г. — «оптимистический», «пессимистический» и «демографическая катастрофа». Последний вариант считался маловероятным. Более того, оптимистическим был и прогноз ООН для СССР. В докладе «World Population Prospects, 1988» продолжительность жизни в 2005–2009 гг. должна была составлять у нас 70,4 года для мужчин и 78,2 года для женщин.

Что же авторы обозначили термином «катастрофа»? Снижение ожидаемой продолжительности жизни мужчин-горожан в 1995 г. до 63,1 года (с 65,4 года в 1988 г.). А что же произошло на самом деле? Уже в 1994 г. этот показатель упал до 57,9 лет! На 4,2 года жизни ниже того, что считалось катастрофой. Всего за два с половиной года после написания книги — но такая ситуация даже в воображении не могла привидеться ученым-демографам. Так что катастрофа — научное и подтвержденное опытом определение нашего состояния.

Это же ощущение катастрофы присутствует и в обществе — среди людей, далеких от точного знания, которые судят просто по числу детских колясок на улицах и в скверах и по числу беременных женщин в метро и автобусе. В упомянутой книге демографы в прогнозе «демографическая катастрофа» считали, что рождаемость в городе упадет с 15,4 (на 1 тыс. населения) в 1988 г. до 10,8 в 1995 г. На деле же она упала до 8,6! Фактическое же положение с рождаемостью в РФ в динамике показано на графике.

В поисках материнского инстинкта

Поскольку в мышлении нашей интеллигенции силен евроцентризм и считается, что Россия после 1991 г. наконец-то пошла «правильной дорогой» вслед за

Западом, естественно, возник интерес к тому, что происходит с рождаемостью на Западе. Этот интерес подогревается и рядом российских и западных демографов, которые отвергают тезис о демографической катастрофе в России на основании того, что и на Западе наблюдается спад рождаемости. Мол, верным путем идете, господа-товарищи! Низкая рождаемость — признак «высокого уровня жизни», и этот признак Россия в ходе реформы уже приобрела. Ну, само богатство слегка задерживается, но объективные законы общественного развития ему не обмануть — придет, как миленькое.

Просто отбросить эти утверждения как пропаганду «реформаторов» невозможно. Нам действительно необходимо осмыслить опыт Запада, ибо в нынешнем реформировании России у Запада заимствовано очень многое, причем гораздо более фундаментальное, нежели «богатство». Ложным в этом утверждении, на мой взгляд, является необоснованное приращение «богатству» статуса причины сокращения рождаемости. Да, корреляция может быть, а причинно-следственной связи нет. Правильнее рассуждать так: в ходе реформ мы, очевидно, не переняли у Запада его умения «быть богатыми», но переняли нечто такое, что на Западе привело к падению рождаемости. Вот это «нечто» и надо искать. Ведь вдвойне обидно будет нам в поисках этого западного умения вымереть, богатством даже не насладившись — просто оттого, что глотнули из западного котла какой-то дряни, не разобравшись.

Это — общее предположение, и в этом смысле наша демографическая ситуация может иметь общие с Западом причины.

Итак, демография регистрирует убыль коренного населения в развитых странах Запада по причине резкого сокращения рождаемости. В настоящее время рождаемость здесь снизилась до отметки 1,5 ребенка на женщину, а в Европе — до отметки 1,34. В некоторых странах Европы, в частности, в Италии уровень рождаемости 1,1. Уровень рождаемости, необходимый для простого воспроизводства населения, составляет 2,1 рождения на женщину.

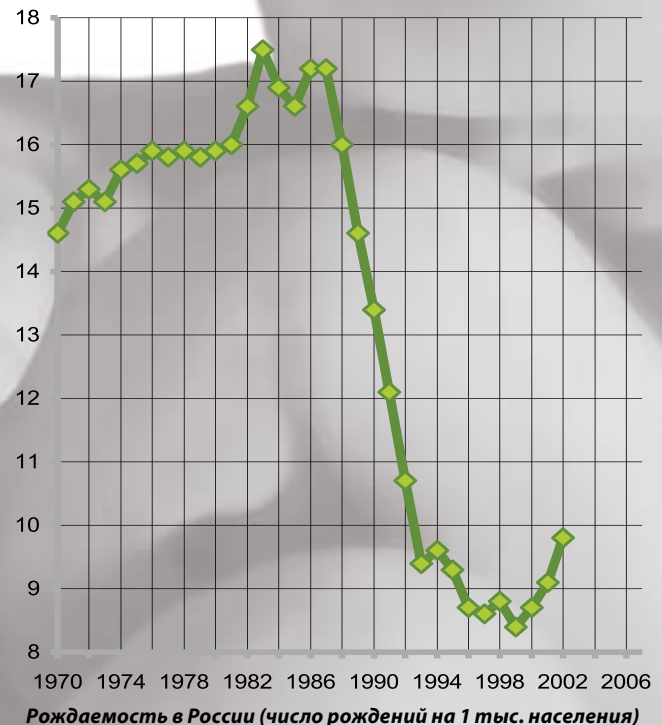
В прессе можно прочитать такие прогнозы: «Европа исчезает как социо-культурный организм, к 2050 г. она сократится на 100 млн. человек» (без учета иммиграции — на 120 млн.). В США ситуация несколько лучше, но тенденция та же самая. Все страны Запада пытаются восполнить спад рождаемости «импортом людей» — допуском иммигрантов. Европейский рекорд держит Швейцария, где каждый пятый житель — иностранец. В ФРГ живет 10 млн. турок, но, по расчетам демографов ООН, к 2050 г. население страны сократится с 82 до 58,8 млн. человек. Всего в странах Западной Европы в 1999 г. родились около 4 млн. детей, причем 3 млн. — у иммигрантов.

Что же вызывает у людей удивление? Тот факт, что на Западе, в общем, достигнут высокий уровень личного благосостояния («потребления»). Казалось бы, заводите детей — ведь всех их можешь прокормить, обеспечить им хорошее образование, здравоохранение и прочие блага. Так нет, не рожают — а в это время в бедных странах семьи охотно производят новую жизнь, радуются детям, даже впроголодь.

И становится, чуть ли не общепризнанным вывод, что материальное благополучие подавляет материнский «инстинкт». Мол, бедному-то все равно, у него дети — единственная утеха. А перед женщиной современного Запада все дороги открыты — эмансипация, карьера, свободная любовь, сплошной постиндустриализм. И кажется даже благоразумным решением, что женщина стала откладывать материнство на более поздний возраст или вовсе отказываться от рождения детей. Как говорят, «западная семья сегодня — это 3 автомобиля и 1 ребенок».

Мне кажется, весь этот ход рассуждений неверен. Известно, например, что население богатых исламских стран (Саудовской Аравии и т.п.) вовсе не следует примеру Запада. Более того, и на самом Западе особенно богатое меньшинство вовсе не собирается «вымирать» — многодетные семьи там обычное дело.

Утрата «материнского инстинкта» — болезнь именно среднего класса буржуазного общества. И болезнь эта является болезнью духа, прямо не предопределяемой уровнем материального благосостояния. Эта болезнь среднего класса является «заразной», в ходе вестернизации она распространяется и среди тех слоев населения бедных стран, которые возомнили себя средним классом и приняли его мировоззренческие установки — даже если по западным меркам их можно было бы причислить к бедноте.

В декабре 2000 г. я был в Уругвае на совещании экспертов ООН, и как раз в те дни там произошло событие, которое очень взволновало общество. Уругвай — небольшая страна, оазис благополучия в Латинской Америке. Там почти изжита бедность, чем гордятся и либералы, и социал-демократы, по очереди меняющиеся у власти. И вдруг был опубликован доклад, согласно которому более 50% детей в Уругвае проживали ниже уровня бедности. Это всех просто потрясло, возникли жаркие дебаты. Выяснилось, что рождаемость в семьях среднего класса упала настолько, что основная масса детей оказалась в семьях бедного меньшинства. Благополучная («европейская») часть населения Уругвая вымирает, а бедная часть быстро растет — при отсутствии экономического кризиса.

Противозачаточный пессимизм

Средний класс — основа буржуазного общества, генератор и носитель «духа капитализма». Очень богатое меньшинство давно приобрело характер замкнутого сословия, почти аристократии, оно утратило «буржуазность» и протестантскую этику. Что же характерно для мироощущения среднего класса? Для нашей темы самая важная его черта — пессимизм. На Западе даже говорят антропологический пессимизм, и в этом определении много смысла. Это — неверие в человека, в его благое предназначение, в его причастность Добру.

Ницше сказал западному обывателю: «Бог умер! Вы его убийцы, но дело в том, что вы даже не отдадите себе в этом отчета». Причины этого пессимизма многообразны, но на Западе в момент становления буржуазного общества они ударили по человеку одновременно — чего не произошло в других культурах. На мышление человека Запада наложилось несколько «волн страха»: страх перед Страшным судом и адом раннего Средневековья, страх перед чумой XIV века, а затем «страх Лютера» времен Реформации и последующий за ним страх, вызванный разрушением общины. На источник этого «страха индивида» указывает психолог Э. Фромм: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом».

Разрушение общины совпало на Западе со сменой картины мира. За двадцать тысяч лет цивилизации человек остался существом с сильным космическим чувством, с ощущением себя в центре Вселенной как родного дома. Он воспринимал Природу как целое, а себя — как часть Природы. Все было наполнено смыслом, все связано невидимыми струнами. Наш

поэт-философ Державин так определил место человека в Космосе:

*Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества...
Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;*

Научная революция разрушила этот образ: мир предстал как бездушная машина Ньютона, а человек — как чуждый и даже враждебный Природе субъект. Это было тяжелое потрясение, из которого родился европейский нигилизм и пессимизм (незнакомый Востоку). Когда читаешь Ницше и Шопенгауэра, поражаешься: откуда столько грусти? Шопенгауэр сравнивал человечество с плесенным налетом на одной из планет одного из бесчисленных миров Вселенной. Эту мысль продолжил Ницше: «В каком-то заброшенном уголке Вселенной, изливающей сияние бесчисленных солнечных систем, существовало однажды небесное тело, на котором разумное животное изобрело познание. Это была самая напыщенная и самая лживая минута «всемирной истории» — но только минута. Через несколько мгновений природа заморозила это небесное тело, и разумные животные должны были погибнуть».

Реформация не только разъединила людей и превратила человека в атом (индивида), но в своем радикальном выражении (кальвинизм), прямо отняла у людей веру в спасение души — для вечного блаженства предназначены лишь «избранные». Вот фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.): «Хотя и говорят, что Бог послал Сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была Его цель: Он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных».

Макс Вебер в своем главном труде «Протестантская этика и дух капитализма» пишет: «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслышанного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида... Вместе с тем эта отъединенность является одним из корней того лишнего каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, который мы наблюдаем по сей день в «национальном характере» и в институтах народов с пуританским прошлым».

Понятно, что решение родить ребенка — это акт любви, желания человеческой близости, веры

в счастливое будущее этого ребенка и в спасение его души. «Пессимистически окрашенный индивидуализм» сильнейшим образом подавлял этот порыв, и как только во второй половине XX века появились простые и эффективные противозачаточные средства, число рождений пошло на убыль.

Этот индивидуализм был прямо направлен против семьи. Вот, в изложении Вебера такое место из самой распространенной книги пуритан: «В ней описывается, как некий «христианин», осознав, что он находится в «городе, осужденном на гибель», услышал голос, призывающий его немедленно совершить паломничество в град небесный. Жена и дети цеплялись за него, но он мчался, зажав уши, не разбирая дороги и восклицая: «Life, eternal life!»... И только после того, как паломник почувствовал себя в безопасности, у него возникла мысль, что неплохо бы соединиться со своей семьей».

Нам трудно понять, но в спорах с католиками протестанты отстаивали тезис об изначальной порочности детей, и это сказалось на светской социальной практике. Шотландские пуритане даже не допускали к крещению детей тех, кто «отвергнут Богом» (например, пьяниц). Даже в XX веке приютских детей Амстердама вели по праздникам в церковь в шутовском двцветном наряде. Как пишет Вебер, это «назидательное зрелище... служило во славу Божью именно в той мере, в какой оно должно было оскорблять «человеческое» чувство».

Трудно нам понять и то, что кальвинизм с его учением о предопределенности (делении людей на избранных и отверженных) привел к внутреннему освобождению индивида от «естественных» уз. Вебер пишет о знаменитом письме герцогини Ренаты д'Эсте Кальвину, где она признается, что возненавидела бы отца или мужа, если бы узнала, что они принадлежат к числу отверженных. Но, поскольку узнать это невозможно, приходится подозревать и отца, и мужа, и будущих детей.

ОПТИМИЗМ И КОСМИЧЕСКОЕ ЧУВСТВО

Мы видим, что этот пессимистический духовный фон жизни на Западе стараются подавить различными способами. Иногда этому способствуют периоды процветания, иногда, наоборот, кризисы и даже бедствия типа войн. Иногда массу людей увлекают приступы фанатизма, как во времена фашизма, в благополучное время — сексуальные революции или приступы потребительской лихорадки. Но за всем этим Э. Фромм видит нарастающую некрофилию — так он называет то проявление антропологического песси-

низма, которое выражается в неприязни к живым структурам, к зарождению и пестованию жизни. И напротив, тягу к разрушению или хотя бы к зрелищу и вообще образу разрушения, что красноречиво отразилось в культуре (кино, телевидение, музыка, мода).

Известно, что православное общинное мироощущение было жизнерадостным. Оно было устремлено к Граду Китежу и было наполнено верой в лучшее будущее. И дело тут не в классовых корнях — очень важно наблюдение А. В. Чаянова: в русском крестьянстве совершенно не было мальтузианства, запрета на «размножение бедных», а в сознании крестьянства Франции оно было очень сильно. Еще более жизнерадостным было космическое чувство советского человека — мы именно обладали «уверенностью в завтрашнем дне», что никак не сводилось к сытости.

Исследователь фашизма Л. Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

На короткий период и в сознании народов Центральной Европы, втянутых в орбиту «советского лагеря», возобладали антропологический оптимизм. Но там, где население радикально вырвали из «полусоветского» состояния и вернули в лоно «среднего класса», в отношении к рождению детей произошли коренные изменения. Это показал опыт ГДР. Ежегодно в бывшую ГДР в виде помощи «осси» (немцам из восточных земель) вкладывается по 100 млрд. марок. Вот счастье! Но в 1994 г. был опубликован важный доклад: за четыре года после воссоединения Германии рождаемость на восточных землях упала более чем вдвое! Как сказано в сообщении агентства «Эфе», излагающем данные доклада, «социальная нестабильность и отсутствие будущего привели к головокружительному росту добровольной стерилизации восточных немцев — более чем на 2000% за четыре года».

Формулировка неверна — социальная стабильность и сытость как раз были обеспечены этими миллиардами марок. Но вернулся западный страх, страх перед бытием, антропологический пессимизм. Именно глотнув этого страха и этого пессимизма, перестали рожать и русские женщины.

Если мы соберемся с силами и стряхнем с себя это наваждение, жизнь снова зацветет на нашей земле. Первый удар мы выдержали, духовное выздоровление начинается.